

ДОДЕКАЛОГИЯ «ХРОНИКИ РУССКОЙ ВИНЫ»

ТРИЛОГИЯ 1 · «АНАТОМИЯ ПОДЗЕМЕЛЬЯ»

КНИГА 2

ЗАПИСКА ОТ МЕРТВЕЦА

ГЕНРИХ АЛИ БАБА

Генрих Баба

Книга 2. Записка от мертвеца

<https://litres.ru/74672477>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга 2

Мёртвые не пишут писем. Но кто-то пишет — её почерком.

Пропавшая рукопись, самоубийство режиссёра и клиника, где стирают не боль, а личность. Сыщик находит записку, которая пахнет женщиной, убитой неделю назад у него на глазах.

«Записка от мертвеца» продолжает додекалогию «Хроники Русской Вины»: там, где заканчивается память, начинается настоящий ужас.

Генрих Али Баба

Книга 2. Записка

от мертвеца

Книга 2. Записка от мертвеца

Акт I. Пропавший сценарий

Часть 1. Стерильный пепел

Глава 1. Записка от мертвеца

Временное пристанище пропахло сырым стиральным порошком, едким щелочным отбеливателем и въевшейся застарелой гарью. Последний запах пропитал сукно моего единственного уцелевшего плаща так глубоко и безнадежно, что, казалось, стал второй кожей, вытеснив запах табака и дешевого одеколona. Новый офис — убогая каморка три на четыре метра, примостившаяся прямо над круглосуточной прачечной «Белая линия» в унылом промрайоне, — содрогался каждые сорок минут. Гигантские промышленные центрифуги внизу переходили на бешеный режим отжима, и от этой цикличной вибрации блеклые обои в цветочек, наклеенные здесь еще при Хрущеве, мелко осыпались трухой, а в стакане с мутной водой испуганно звенела серебряная ложка.

После того как люди «Немого» превратили мое прежнее

гнездо на четвертом этаже в обугленный кирпичный саркофаг, мне пришлось заново учиться делать вдохи. Сломанные Мясником ребра срослись криво, образовав под сердцем безобразный костяной горб. Каждое резкое движение, каждый поворот корпуса или глубокая затяжка сигареты отзывались внутри тупой, скрежещущей болью, словно под ребрами наотмашь ворочался ржавый обломок ножа.

Я сидел за колченогим кухонным столом, заменявшем мне и кабинет, и верстак. Пальцы левой руки лениво и привычно крутили тяжелый стакан с остатками янтарного, теплого виски. Правой я медленно, с усилием нажимал на тугие, вечно западающие клавиши старой портативной машинки «Эрика» — единственного трофея, который я успел выхватить из полымя неделю назад. На пожелтевшем, шероховатом листе бумаги рождались финальные строки «Последнего сеанса Русской Вины». Я механически переписывал по памяти то, что безжалостно сожрал мазут Лиговского печатного завода. Я занимался реставрацией собственной смерти.

Гул промышленных центрифуг внизу внезапно захлебнулся и смолк, и в наступившей вакуумной тишине раздался звук.

Это не был робкий, интеллигентный стук издателя Марка и не тяжелый, властный громовой удар полисменов. В хлипкую фанерную дверь постучали трижды — коротко, сухо и безжалостно. Так стучат костяшками пальцев по крышке соснового гроба, проверяя, на совесть ли заколочены ржа-

вые гвозди.

— Открыто, — бросил я, даже не умывая рук с клавиатуры. Мой верный «Кольт» теперь висел не в оперативной подмышечной кобуре, а лежал на коленях, укрытый полкой плаща, уже снятый с предохранителя.

Дверь подалась внутрь бесшумно — петли я щедро смазал машинным маслом еще в первый день новоселья. В черном проеме робко качнулась девичья фигура.

Слишком хрупкая для этого пропитанного мазутом района и слишком юная для той кромешной ночи, что бушевала за окнами. На ней был насквозь промокший, потерявший форму бежевый тренч, а бледное, испуганное лицо обрамляли прилипшие пряди светлых, коротко стриженных под каре волос. Огромные, лихорадочно блестящие глаза смотрели на меня с тем абсолютным, бездонным отчаянием, которое я слишком часто видел у людей за мгновение до того, как они шагали в черную воду с моста. Лиза. Восходящая, мятежная звезда андеграундного театра «Глобус хаоса». Ее тонкое лицо еще мелькало на грязных, мятых афишах, которые балтийский ветер безжалостно гонял по сточным канавам центра.

Она шагнула внутрь, судорожно прижимая к груди крошечную замшевую сумочку, словно в ней билось ее собственное испуганное сердце. От гостыи разлило небесной влагой, мокрой шерстью и дорогими, но уже безвозвратно увядающими театральными лилиями.

— Вы... вы тот самый частный сыщик, который умудрился выжить на Лиговском? — ее голос натянулся и задрожал, как перетянутая струна концертной скрипки перед разрывом.

— Газеты бессовестно врут, Лиза, — я чуть заметно качнул стволом под столом и откинулся на спинку скрипучего, расшатанного стула. — Никто оттуда живым не возвращается. Просто некоторые мертвецы по привычке продолжают волочить ноги по этой земле и исправно платить квартплату. Проходите, присаживайтесь. Стул относительно чистый, если не считать вековой пыли.

Она механически опустилась на самый край обшарпанной табуретки, но тяжелый мокрый плащ расстегивать не стала. Ее била крупная, лихорадочная дрожь, которую она отчаянно пыталась скрыть.

— Мой отчим... — выдохнула она, и в ее пересохшем горле судорожно застрял воздух. — Эдуард Соколов. Режиссер. Всего три часа назад патрульные нашли его разбитое тело на мостовой, прямо под окнами его собственной экспериментальной студии. Они твердят — самоубийство. Говорят, он помешался рассудком на почве творческого кризиса и подготовки к новой кабальной премьере.

Я молча пододвинул к ней граненый стакан с остатками виски. Она презрительно отшатнулась, проигнорировав жест.

— Соколов никогда не был безумцем, детектив, — Лиза подалась корпусом вперед, и ее холодные, тонкие пальцы су-

дорожно вцепились в край моего деревянного стола. — Он был смертельно напуган. Последние две недели он не смыкал глаз. Он бредил тем, что его гениальный текст — пьеса «Анатомия Хаоса» — больше ему не принадлежит. Утверждал, что невидимые воры выскребают мысли прямо из его черепной коробки, оставляя взамен лишь стерильный пепел. А час назад, когда я вернулась в его разгромленную квартиру после опознания в морге, я нашла *это* среди баночек с гримом.

Она торопливо расстегнула молнию сумочки и выложила на потертую столешницу узкий, сложенный вдвое лист плотной гербовой бумаги.

Я не стал прикасаться к нему сразу. Я лишь замороженно смотрел, как на белоснежной поверхности расплывается жирное, застывшее пятно от сургуча. Но стоило мне подцепить бумагу кончиками пальцев и развернуть ее, как воздух в тесной камерке мгновенно сгустился, превратившись в липкий сироп.

Записка была выведена безупречной, зловещей каллиграфической тушью. Тончайшие, геометрически ровные линии, надменно размашистые хвосты заглавных литер. Этот почерк я узнал бы из тысячи, даже если бы в ту ночь в порту меня окончательно ослепило. Почерк Веры. Той самой Веры, которую свинцовый ливень из ствола Громова неделю назад изрешетил на моих глазах, и чье бездыханное тело навсегда утопило в мазутной жиже технологического колодца.

Текст гласил безжалостно и просто: *«Вина найдет каждого. Но хаос заберет первыми. Финал сыгран, Эдуард. Опустите занавес»*.

В самом низу чернела идеальная точка. И от этой точки, как и от всей бумаги целиком, едва уловимо, но отвратительно отчетливо разило горьким, одурманивающим ароматом дикой полыни и тяжелого белого мускуса. Запахом женщины, у которой уже давно не было пульса.

Глава 2. Пустые подмошки

Ночной город, ссутулившись под саваном ледяной крупы, казался проявленным негативом чужой, обветшалой памяти. Старый «Форд» неохотно проталкивал бампер сквозь узловатые лабиринты доходных домов, втягивая нас в зловещую воронку театрального квартала. Лиза сидела рядом, превратившись в изваяние: оконное стекло затягивало морозными папоротниками, отображая её фарфоровый, до прозрачности хрупкий профиль. Воздух в салоне по-прежнему густел от сырости и увядающих лилий, но теперь этот кладбищенский шлейф пропитывался едким, ртутным потником моего собственного страха. Чёртова записка жгла карман раскалённым клеймом. Мертвецы не марают бумагу. Во всяком случае, безвозмездно.

Театр «Глобус хаоса» вырастал из темноты бывшим купеческим собранием — приземистым, оплывшим тушей зданием с выкрошенной лепниной и провалами закопчённых

готических окон. Главный вход ошетинился полосой жёлтой полицейской ленты; пластиковая тесьма судорожно билась о косяк, словно задыхающаяся рыба. Нас встретила не просто тишина — гулкая, натужная духота заброшенного склепа.

— Сюда, — её шёпот скользнул по обнажённым нервам, увлекая меня в изнанку здания, к слепому железу служебного входа в цокольном этаже.

Ржавый ключ тяжело ворохнулся в онемевших пальцах, издав сухой, звенящий щелчок гильотины. Стоило нам переступить порог, как темнота захлопнулась за нами, словно пасть хищника. Луч карманного фонаря рассек мрак, выхватив из небытия бесплодные шеренги вешалок. Бархатные камзолы эпохи декаданса, бутафорские кольчуги с ржавыми подтеками и маски с выжженными глазницами замерли вокруг, глядя на нас как безмолвные статисты чужой, бесконечно повторяющейся трагедии. Воздух здесь состоял из слежавшегося грима, трухлявого дерева и приторного душка крысиного помета.

Мы вынырнули по скрипучей спирали винтовой лестницы прямо в чрево зрительного зала. Над нашими головами распластался гигантский, заиндевелый купол; редкие брызги лунного света просачивались сквозь трещины в стекле, расчерчивая партер косыми, мертвенно-бледными лезвиями. На сцене застыли скелеты недостроенных декораций к спектаклю «Анатомия Хаоса» — сплетение ржавых балок и рваных полотнищ холста напоминало обнажённую грудную

клетку гигантского испорченного зверя.

Режиссерская цитадель Соколова на втором ярусе встретила нас взломом. Дверь не поддавалась ключу — её вынесли чисто, профессионально: замок остался цел и невредим, но деревянный косяк разлетелся в щепки от точечного удара ломом. Внутри царил хирургический, методичный погром. Настенный сейф распахнул пустую, выжженную пасть.

— Сценарий... Его здесь нет, — Лиза бросилась к письменному столу, пальцы её метались по ворохам измятых эскизов и обугленным блокнотам. — Он прятал подлинник в переплет из телячьей кожи с серебряным тиснением. «Немой» забрал его. Я знаю почерк его людей!

Я был глух к её истерике. Мой световой луч прирос к пространству под массивным дубовым столом режиссера. Среди снежной крупы обрывков копирки тускло, матово блеснуло нечто чужеродное. Превозмогая судорожную боль в треснувших ребрах, я присел на корточки и подцепил пальцами небольшую прямоугольную карточку.

Это оказался девственно чистый медицинский рецептурный бланк, пахнувший свежей типографской краской. В левом верхнем углу виднелся безмятежный штамп: *«Пригородное шоссе, 14. Неврологическая клиника „Летэ“»*. Но подлинным холодом обдало от правого нижнего угла — там алела круглая фиолетовая печать, вычерченная изящной, змеящейся монограммой из двух латинских букв: **«Е.В.»**.

Рядом с бланком на лакированном паркете чернел све-

жий, едва затертый отпечаток — подошва дорогой мужской туфли ручной работы. А у самого плинтуса застыла крошечная, глянцеви́тая капля свежих чернил. Смоляно-черных, густых, с тем невыносимым, но уже вбитым в мою память шлейфом горькой полыни.

Кто-то вычищал эту ложу за считанные мгновения до нашего появления. И этот «кто-то» оставил мне расписку, выписанную из самого сердца элитной обители безумия.

— Лиза, — глухо бросил я, поднимаясь и пряча бланки во внутренний карман, — твой отчим в последнее время пропал за городом?

Она резко оборвала поиски, её зрачки заполнили всю радужку: — Нет... То есть, он уезжал по средам. Говорил, что ищет тишину и мнимое вдохновение в каком-то пансионате. Но он никогда не произносил название... Детектив, что вы там нашли?

Ответить она не успела.

В звенящей пустоте мертвого театра — где-то внизу, в провалах мрачного партера — раздался скрежет. Медленный, сдвоенный звук волочащегося по бетону тяжелого железа. А мгле за кулисами вторил сухой, мерный, издевательски растянутый хлопок.

Кто-то в абсолютной тьме стоял у самых подмостков и неторопливо аплодировал нашему финалу.

Часть 2. Белый неон

Глава 3. Обитель забвения

Пригород встретил нас глухой, удушливой стеной известнякового тумана, сползшего с ледяных лагун залива. Мой израненный «Форд» наощупь продирался сквозь эту свинцовую взвесь, пока слепые лучи фар не уперлись в монументальные, оцетинившиеся пиками кованые ворота. На них висела безмятежно-вежливая табличка: *«Неврологическая клиника „Летэ“»*. Пространство за трехметровым каменным периметром казалось выморочным, стерильным оазисом. Вековые сосны тонули в белесой крупе, их лапы висели тяжело и неподвижно над неестественно гладкими, выстриженными под ноль газонами.

Главный корпус клиники резал глаза контрастом с грязными, сочащимися мазутным потом улицами центра. Безупречное футуристическое творение из закаленного стекла и матового белого бетона. Стоило переступить порог, как нас обдало беззвучным, мертвящим сиянием скрытых неоновых лент, которые до боли в сетчатке отражались от зеркального кафеля пола. Воздух здесь не двигался — он лежал тяжелым пластом, пропахший леденящим формалином, дорогим карболовым антисептиком и приторно-дурным, липким шлейфом фармацевтики, которой глушат саму волю к сопротивлению.

Лизу я оставил в машине, жестко приказав заблокировать двери и не глушить мотор. В эту стерильную пасть я должен

был спуститься в одиночку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.